DOI: 10.31857/S013038640019187-3

© 2022 г. А.О. ЯСТРЕБОВ

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА С РОССИЙСКИМИ ДИПЛОМАТАМИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В РЕЛЯЦИИ ГРАФА САВВЫ РАГУЗИНСКОГО ЦАРЮ ПЕТРУ

Ястребов Алексей Олегович – доктор церковной истории, кандидат исторических наук, PhD in philosophical sciences, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: mirofore@gmail.com

Scopus Author ID: 57222093751; Researcher ID: ABB-8823-2020

Благодарю доктора Винице Люписа, старшего советника Института Иво Пилар и главу Регионального центра Дубровника за предоставленные материалы, которые существенно помогли в написании этой статьи.

Аннотация. Впервые публикуемый в приложении к настоящей статье документ из собрания Российского государственного архива древних актов является ярким свидетельством сотрудничества высшего представителя Римско-католической церкви в Османской империи архиепископа Раймондо Галлани с российской дипломатией. Личности Галлани как в российской, так и в европейской историографии уделено мало внимания. До сих пор не существует не только ни одной посвященной ему монографии, но даже ни одного сколько-нибудь удовлетворительного его жизнеописания. Вместе с тем корреспонденция прелата была чрезвычайно обширной. Кроме своего непосредственного римского начальства, он взаимодействовал с разведками своей родной Дубровницкой республики, а также России и Венеции. Информация, добытая архиепископом, высоко ценилась царем Петром, а его услуги щедро оплачивались. Случай, описанный в челобитной Саввы Рагузинского, касается как раз защиты архиепископа Галлани от возможного раскрытия его деятельности перед турецкими властями. Происшествие вызвало гнев царя, и Рагузинский был вынужден оправдываться. Впервые на русском языке публикуется краткая биография архиепископа Галлани. На основании изученного материала делается вывод, что его сотрудничество с российской дипломатией преследовало не столько материальный интерес, сколько было вызвано симпатией к политике Петра, что объясняется происхождением Галлани, которому были близки идеи панславянства, распространенные в среде его соотечественников.

Ключевые слова: Раймондо Галлани, Петр I, Петр Толстой, Савва Рагузинский, Константинополь, Дубровник, Архив древних актов, Османская империя.

A.O. Yastrebov

On the Cooperation Between a High-Ranking Representative of the Holy See and Russian Diplomats in Constantinople in a Letter from Count Sava Raguzinsky to Tsar Peter

Alexey Yastrebov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mirofore@gmail.com

Scopus Author ID: 57222093751; Researcher ID: ABB-8823-2020

The author is grateful to Dr Vinicije Lupis, Senior Advisor of the Ivo Pilar Institute and Head of the Dubrovnik Regional Center for the materials provided, which have been of great help in writing this article.

Abstract. The document from the collection of the Russian State Archive of Ancient Documents, published for the first time and annexed to this article, is a vivid testimony to the cooperation between Archbishop Raimondo Gallani OP, the senior representative of the Roman-Catholic Church in the Ottoman Empire, and Russian diplomacy. The person of Gallani has received little attention in both Russian and European historiography. There is no monograph devoted to him, nor is there a satisfactory account of his life. However, his correspondence was extraordinarily wide-ranging. In addition to his immediate Roman superiors, he interacted with the intelligence services of his home republic of Dubrovnik, as well as those of Russia and Venice. Information obtained by the Archbishop was highly valued by Tsar Peter, and his services were generously rewarded. The case described in the petition of Sava Raguzinsky involves the protection of Archbishop Gallani from possible disclosure of his activities to the Turkish authorities. The incident incurred the wrath of the Tsar and Raguzinsky was forced to defend himself. A brief biography of Archbishop Gallani is published in Russian for the first time. The author concludes that the cooperation between the Archbishop and Russian diplomacy was less about material interests and more about the former's sympathy for Peter's policies, which can be explained by Gallani's background, given his affinity for the pan-Slavic ideas prevalent among his compatriots.

Keywords: Raimondo Gallani, Peter I, Peter Tolstoy, Sava Raguzinsky, Constantinople, Dubrovnik, Archive of Ancient Documents, Ottoman Empire.

В собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА) отложилась челобитная Саввы Владиславича Рагузинского от 10 июля 1719 г. на имя царя Петра¹. Она представляет собой своего рода объяснительную записку государю по поводу щекотливой и даже опасной ситуации, возникшей в связи с попаданием корреспонденции «бископа Галания» в руки некоего грека Гераки Георгаки, бывшего русского агента в Константинополе, требовавшего от Галания деньги за его письма к Рагузинскому, купленные, по словам грека, в Москве у секретаря Саввы.

В данном случае речь идет не о православном, а о католическом епископе, «бископе» или (как еще он именуется в дипломатической корреспонденции) «надбископе» (т.е. архиепископе) Раймондо Галлани. Обширная переписка этого персонажа отложилась в архивах Рима, Венеции, Дубровника и Москвы. Его деятельность в области государственного шпионажа в пользу нескольких государств оказалась более известной, чем его важные и небезопасные труды на пастырском и миссионерском поприще.

Нет сомнения, что высший прелат Римской церкви был одним из наиболее существенных источников информации, поступавшей в Россию с берегов Босфора. Несмотря на важность личности монсеньора Галлани (1652–1727) для российской истории, специальных работ ему посвящено не было, а информацию об его жизни приходится собирать по крупицам.

Родом он был из Рагузы (ныне Дубровник), о чем свидетельствует его светское хорватское имя – Иво Йелич. Дубровник был небольшой республикой на стыке османских и венецианских владений. Просуществовав более четырех веков (1358–1808 гг.), карликовое государство доказало свою жизнеспособность даже в крайне неблагоприятной политической обстановке частых военных конфликтов между соседями. Рагуза, столица республики, была важнейшим торговым узлом Адриатики, откуда морской путь лежал к важнейшим портам Средиземноморья, а сухопутный в первую очередь на Балканы, а также в Западную Европу – Италию,

¹ О Савве Владиславиче и разных аспектах его многогранной деятельности к настоящему моменту издано немало, однако самой полной его биографией по-прежнему является давняя работа Й. Дучича: *Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I.* СПб., 2009. См. также обзорную статью: *Лешиловская И.И. Серб – сподвижник Петра I. Граф Рагузинский // Славянский альманах. 2003. М., 2003. С. 70–93.*

Германию и Голландию. Консульства Дубровницкой республики представляли собой разветвленную сеть торговых представительств, раскинутую от Марселя на западе до Александрии на юге и Константинополя на востоке. Большинство населения было славянами, тогда как структура управления восходила к западным республиканским моделям, государственными языками были латинский и итальянский. Кроме них, естественно, широко использовался славянский (сербский) язык².

Такая уникальная среда, объединявшая разные языки, культуры и религии, дала несколько персонажей, оказавших известное влияние на политические процессы в России и за ее пределами. Конечно, самым известным из них является граф Савва Владиславич, который получил у русских прозвище Рагузинский, ставшее по сути его второй фамилией. Из других рагузинцев известными являются представители семьи Барка, служившие консулами республики в Константинополе и являвшиеся информаторами российского правительства.

Одним из таких образованных и расположенных к России рагузинцев-дубровчан и был Иво Йелич, получивший в монастыре имя Раймунд (итальянизированная форма – Раймондо).

Он родился 25 января 1652 г. Причина изменения его семьей фамилии на Галлани неизвестна³. Получив первоначальное образование в местном иезуитском колледже, после вступления в доминиканский орден (1669 г.) он изучал философию в Италии (Чивидале, Венеция, Лечче). По окончании курса наук вернулся в Дубровник и стал преподавателем и проповедником. Других подробностей об его жизни на родине в течение почти 30 лет мы пока не знаем.

В 1702 г. Галлани сопровождал Барского архиепископа Вицко Змаевича в архипастырском визите в пределы Албании, Эпира и Македонии. Поездка затянулась на целый год. Раймондо участвовал в национальном церковном совете Албании в 1703 г. в Леше (Lezhë, Lissus).

Кстати, личность В. Змаевича (1670–1745) примечательна в контексте тогдашней политической и общественной конъюнктуры. Горячий сторонник панславизма в духе Юрия Крижанича, Вицко считал, что христиане Востока и Запада должны объединиться для противодействия османской угрозе. Он был племянником сербского просветителя архиепископа Андрии Змаевича и родным братом российского адмирала Матии Змаевича (1680–1735). Надо сказать, последний некоторое время жил в Дубровнике в бытность там Галлани (и, стало быть, мог быть с ним знаком), а в 1712 г. начал свою службу в российском флоте.

Таким образом, окружение будущего архиепископа было по преимуществу славянским, в равной степени католическим и православным, исключительно положительно настроенным к внешней политике Петра в духе панславянства, витавшем в воздухе того времени. Именно по предложению Вицко Змаевича конгрегация Пропаганды рекомендовала папе направить Галлани в Константинополь.

Отец Раймондо был назначен апостольским патриаршим викарием Константинополя 19 апреля 1706 г.⁴, хотя, возможно, прибыл туда еще раньше, так как сообщает в 1722 г., что находился в империи 19 лет, т.е. с 1703 г.⁵ Тем не менее в новом качестве он появляется

² Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 15–21.

³ Краткие биографические сведения о нем есть в нескольких изданиях. Напр.: *Farlati D., Coleti J. Illyricum Sacrum*. Vol. 6 (*Historia ecclesiae Ragusinae*). Venetiis, 1800. P. 270–277; *Dračevac A. Gallani Rajmund // Hrvatski Biografski Leksikon*. Т. 4. Zagreb, 1998. P. 555–556. Подробная биография, к сожалению, менее доступна. Она содержится в неопубликованной книге доминиканца Серафима Мария Черва, хранящейся в библиотеке доминиканского монастыря в Дубровнике: *Cerva S. M. Iconotheca illustrium fratrum Congregationis Ragusinae Sancti Dominici*. Knjižnica samostana Sv. Dominika u Dubrovniku. № 34-IX-10. S. 304. Рукопись.

⁴ *Hierarchia catholica medii aevi et recentioris aevi*. Vol. 5 / ed. K. Eubel. Monasterii Sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1913. P. 84, 327.

⁵ *Farlati D., Coleti J. Op. cit.* P. 271.

в столице лишь 21 мая 1707 г.⁶ Латинские патриархи после 1453 г. находились в изгнании, и главой католического клира империи являлся патриарший наместник – викарий. Через год, в 1708 г. Галлани возведен в сан архиепископа Анкирского и оставался в нем вплоть до 1722 г.

Архиепископ подробно описывает свои труды в пределах Османской империи в письме, отправленном им в Рим около 1722 г. Особо останавливается на связях с послами разных держав в Константинополе в его делах по защите католической веры. Особой страницей деятельности прелата было установление прочных связей с армяно-католиками и получение от турецких властей согласия на их богослужение в пустующих армянских храмах⁷.

В 1722 г. решением Сената Дубровницкой республики Галлани был избран архиепископом Дубровницким, пробыв на новой кафедре вплоть до своей смерти, наступившей в 1727 г.⁸

Во время управления Дубровницкой епархией его связь с Россией не прекратилась. В начале своего служения он обратился за помощью к Петру I (письмо от 6 июля н.ст. 1722 г.) с просьбой о помощи в связи с трудным материальным положением епархии⁹.

Так или иначе, согласно источникам, его личные средства ко времени смерти были немалыми, и из-за них позже разгорелся спор между доминиканцами (которым они были завещаны) и государством¹⁰.

Появление Галлани в Константинополе совпадает с уходом из жизни иерусалимского патриарха Досифея (в феврале 1707 г.), который выступал против использования иноверцев в качестве информаторов российского правительства¹¹. Тем не менее русский посол по-прежнему испытывал нужду в агентах, ведь турецкое направление в течение всего периода Северной войны было важнейшим в дипломатическом поле, ибо мир с султаном гарантировал Россию от войны на два фронта. Вплоть до 1710 г. конфликта удавалось избежать, и большая заслуга в этом конфидентов русского посла.

Еще в бытность в Стамбуле Саввы Рагузинского важными осведомителями становятся славяне¹². Греки, активно востребованные в начале посольского мандата Толстого, постепенно признаются ненадежными, «непостоянными»¹³.

Кроме славянского происхождения римского прелата, в данном случае присутствует также определенная симпатия посла Толстого к католической церкви или, что скорее, его охотное взаимодействие с ее служителями. О его расположении свидетельствует, например, личное послание папе Клименту XI (датируемое 30 июля ст.ст. 1709 г.), в котором он рекомендует своего сотрудника, грека Георгия Поликалу, вниманию и милости понтифика¹⁴.

⁶ См.: *Cerva S.M.* Op. cit. S. 309.

⁷ *Lupis V.* Sloboda utemeljenja crkvenih župa Dubrovačke nadbiskupije te Stonske i Trebinjsko-mrkanske biskupije u 18. stoljeću // *Crkva u svijetu*. 2015. № 50. S. 84–85.

⁸ Это был беспрецедентный шаг, поскольку еще в 1409 г. Большой совет принял закон, согласно которому ни один гражданин республики не мог становиться архиепископом Дубровника. См.: *Seferović R.* Op. cit. S. 56.

⁹ Копия этого письма хранится в библиотеке францисканского монастыря Младших Братьев в Дубровнике. См.: *Ibid.* S. 47.

¹⁰ *Ibid.* S. 61–62.

¹¹ *Базарова Т.А.* «Для лутчаго и состоятельнейшаго онога мира охранения...»: пребывание русского посла П.А. Толстого при османском дворе // *Петровское время в лицах*. 2019. Труды Государственного Эрмитажа: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2019 года. СПб., 2019. С. 57. Впрочем, Досифей испытывал ревность даже к своим единоверцам, в частности к племяннику Спильиоту и к Савве Рагузинскому. См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. С. 135–136.

¹² Рагузинский уехал из Константинополя в конце 1704 г. См.: Там же. С. 134–135.

¹³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 41. Сношения России с Венецией. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 1.

¹⁴ *Ястребов А.О.* Петр Толстой и Папа Климент XI. Первый русский посол в Константинополе и его связи с Католической Церковью // *Церковь и время*. 2018. № 4 (81). С. 139–140.

П. Пирлинг в свою очередь сообщает, что Толстой был одним из немногих в петровском окружении, кто остался благожелательно настроен по отношению к католической церкви и ее интересам, называя его «послом со склонностью к унии»¹⁵.

В одной из публикаций, посвященных сотрудничеству Толстого с Римом, приводилось письмо Галлани в конгрегацию Пропавангы Фидэ (от 22 марта 1709 г.), где архиепископ ходатайствует о награждении Толстого и Рагузинского кавалерским титулом за помощь латинской церкви¹⁶.

Чуть позже, 16 августа 1709 г. архиепископ писал своему непосредственному начальнику — латинскому патриарху Константинополя Лодовико Пико делла Мирандола: «В моих предыдущих почтительнейших посланиях я представил необыкновенное рвение, с которым этот превосходительный господин посол Московии потрудился на благо прелатов, миссионеров и католиков-мирян Албании и Сербии, гонимых греческим Печским патриархом»¹⁷. Речь шла о том, что в Сербии католики подвергались притеснениям со стороны православных. Толстой и Рагузинский добились вмешательства царя, и конфликт был урегулирован¹⁸.

Галлани сообщает в другом месте, что Толстой оказался единственным представителем дипломатического корпуса христианских стран на Босфоре, к которому он мог обратиться за помощью (в отсутствие французского посла)¹⁹.

Архиепископ в своих депешах называет Толстого, Рагузинского и Поликалу католиками. Он пишет, что посол «демонстрирует всяческое расположение и все чувства доброго католика, гнушаясь греков, из которых лишь одного держит по необходимости в своем окружении, представленном исключительно его соотечественниками и латинянами»²⁰. Благодаря стараниям Галлани роль Толстого в глазах Святого Престола (а соответственно и послов католических держав в Стамбуле) существенно возросла²¹.

Со своей стороны, Толстой заигрывал с курией и обещал, как он указывает в письме папе, «не упускать ни единой возможности оказать содействие католической церкви в наших областях (как это делал и до сих пор) и поддерживать взаимное чувство любви между вашим блаженством и его царским величеством»²².

Итак, если посмотреть со стороны Ватикана, Галлани просто играет классическую для католического прелата роль посредника, обменивающегося с послом услугами, любезностями и новостями. Однако при ближайшем рассмотрении все его сообщения в Рим о том, что Толстой и его сотрудники — добрые католики, являются не чем иным, как формальной отчетностью служебного характера.

Галлани и Толстого на самом деле связывали дела совсем иного свойства, ибо на протяжении не менее 15 лет архиепископ выполнял функцию информатора российского

¹⁵ *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. Paris, 1907. P. 233–269.

¹⁶ *Ястребов А.О.* Указ. соч. С. 137–139.

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 113. Оп. 1. Д. 377. Л. 281–281 об.

¹⁸ Галлани уточняет, что печский патриарх прибыл в Константинополь, чтобы жаловаться на францисканцев и изгнать их из Сербии. Именно тогда архиепископ прибег к помощи Толстого. См.: *Farlati D., Coleti J.* Op. cit. P. 271.

¹⁹ Archivio storico della Congregazione per l'Evangelizzazione dei Popoli (далее — ASPF). Acta Sanctae Congregationis. 1709. Vol. 79. F. 509–509 г. Доклад от 16 декабря 1709 г. Cp.: Ibid. Scritture originali riferite nelle congregazioni generali. Vol. 569. f. 379 г.

²⁰ ASPF. Acta Sanctae Congregationis. 1710. Vol. 80. F. 26. Доклад от 27 января 1710 г. (на основании письма Галлани от 2 ноября 1709 г. Cp.: Ibid. Scritture originali riferite nelle congregazioni generali. Vol. 570. F. 116–116 г.).

²¹ Прелат, например, по его ходатайству сообщал в Рим о состоявшемся союзе Карла XII и Ахмеда III и о возможном присоединении к этому пакту поляков С. Лешинского с просьбой от Петра Андреевича не допустить этого союза с помощью папы. Письмо датировано июлем 1710 г. Опубликовано: *Theimer A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaëlowitch, Féodor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 442.

²² *Ястребов А.О.* Указ. соч. С. 140.

правительства. Выше уже говорилось, что греки в среде конфиденентов постепенно вытесняются славянами, и монсеньор Раймондо Галлани входил именно в эту категорию, поскольку был рагузинцем, так же как Савва Владиславич и консул Рагузской республики Лука Барка. Происхождением во многом и объясняется рвение монсеньора на русской службе – к тому периоду относится небывалый подъем энтузиазма славянских народов, надеявшихся на освобождение Балкан от османского ига. Конечно, свою роль (и немало) играли и материальные стимулы в виде 500 червонцев годовых²³.

Вернемся вновь к истории с Георгаки. Этот грек, как следует из слов Владиславича, «ныне явился при Порте турецкой и получил некоторый кредит... страша вышеписанного господина бископа Галания, что он его предаст туркам и объявит изменником и докажет его кореспонденцу с Росийскою империею в преюдицию турецкую, аще он ему не заплатит те убытки, а имянно 30 мешков, что будто бы стало убытка от его походу на Русию, и преюдиции от его кореспонденции, а что он, Георгаки, будто показывал во свидетельстве его, бископа, два писма, которые будто он, бископ, писал ко мне к Москве, когда послы вашего величества были в Едикулах, будто де он, Георгаки, тые писма бископова купил за 200 рублей у некотораго моего писаря, когда он был на Русие, и того для ваше величество изволил на мене, раба своего, гневаться»²⁴.

Таким образом, когда в 1719 г. над Галлани нависла угроза разоблачения с помощью компрометирующих материалов, которыми располагал упомянутый Георгаки, и архиепископ написал об этом в Санкт-Петербург, реакция государя на его жалобу была, как явствует из письма Саввы, жесткой – явное свидетельство того, что католического прелата считали в России ценным источником.

Серб развернуто оправдывается перед царем, сообщая при этом некоторые подробности о найме информаторов в начале 1700-х годов. Хотя сам Галлани, по-видимому, появился в столице уже после отъезда Рагузинского (или одновременно с ним), последний вел с ним активную переписку и даже переводил жалованье, как явствует из челобитной²⁵. Возможно, они были и лично знакомы, так как серб приезжал в Османскую столицу еще несколько раз после отъезда в Россию²⁶.

Рагузинский подчеркивает, что архиепископ Анкирский верно служил России, за что стал объектом зависти еще одного российского агента – Луки Барки-младшего (Кирикова), служившего консулом Дубровницкой республики (с 1709 г.), так же как и его дядя Лука Барка²⁷.

Речь идет о событиях 1712–1713 гг., когда Галлани держал связь с Москвой через Савву, пока Шафиров, Шереметев и Толстой находились в Семибашенном замке (с октября по апрель).

Именно в период особой напряженности в русско-турецких отношениях Лука Кириков, по словам серба, испугался преследования²⁸. Рагузинский пишет об этом так: «Турки же непостоянные в Константинополе мир с вашим величеством и паки нарушили, после же вашего величества послов вышеписанных господ Шафирова и Толстаго в Едикулах заключили, и в то время вышеписанный Лука Кириков или от страха, или от своего непостоянства, или по повелению своего господина, посла англинского, вместо службы всякую

²³ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 4 об. Для сравнения: оклад Толстого в 1704 г. после повышения составлял 3 тыс. руб. в год. См.: Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 267.

²⁴ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 1–1 об. Ср.: *Лещиловская И.И.* Указ. соч. С. 79–80.

²⁵ Ср.: *Дучич И.* Указ. соч. С. 108–109.

²⁶ *Лещиловская И.И.* Указ. соч. С. 82.

²⁷ *Дучич И.* Указ. соч. С. 75–76.

неправду и неусердие в делах вашего величества показывал, наипаче в задержании писем, которые послы вашего величества из Едикуле писывали и отпускали чрез его, Луку»²⁹.

Находившиеся в заключении послы отреагировали на такой саботаж предложением канцлеру Головкину не выплачивать более жалованья Луке, тогда как верный Галлани по-прежнему получал свой оклад³⁰. Это-то и послужило причиной зависти Барки-Кирикова, который, объединившись с вернувшимся из России «непостоянным» Георгаки, решил шантажировать Галлани теми самыми письмами, которые он удержал при себе еще в 1712—1713 гг.

Так оправдывает себя Рагузинский, отводя обвинение в продаже донесений архиепископа в Москве его секретарем. Впрочем, и в этом последнем случае, даже если он имел место, граф снимает с себя всякую ответственность, ссылаясь на свое неведение³¹.

Тем не менее в конце 1719 г. российский посланник А.И. Дашков в письме к вице-канцлеру Шафирову глухо упоминает об окончании тяжбы между Галлани и Георгакием (и, возможно, Лукой): «Также прилагаю копию с письма Георгакиева в розделке з бискупом, а достальные денги им бискуп заплатил сам и ожидает оных от вашего превосходительства»³².

* * *

В лице монсеньора Раймондо Галлани мы встречаемся, безусловно, с редким, если не единственным, случаем шпионажа со стороны иерарха Римской церкви в пользу России. По нашему мнению, славянские корни прелата были одной из возможных причин его желания сотрудничать с нею.

Традиционно услуги такого рода оказывали греческая иерархия и духовенство. Конечно, добрые отношения были у Петра и с католическими прелатами и даже с самими римскими папами, которые оказывали ему политическую поддержку. Однако такой случай все же уникален. Ведь речь идет о католическом примасе Константинополя, сообщавшем оперативную информацию враждебной Высокой Порте стране, находясь под постоянной угрозой разоблачения.

²⁸ Изначально Савва узнал «о непостоянстве господина Макария (оперативный псевдоним Луки Кирикова. — А.Я.) ... с удивлением великим» именно от П.П. Шафирова. См. его письма Шафирову от 16 и 21 июля 1713 г.: Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого / сост. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Т. 1. СПб., 2011. С. 359—360, 364—365.

Примерно то же, только чуть раньше, пишет барон канцлеру графу Головкину, на что последний отвечает (не позднее 31 мая 1713 г.): «Зело удивительно о поступках Макариевых, как вы ныне в последних своих из Андриянополя писать изволили, что отменен явился. И понеже я сего мая 13-го дня писал к нему по письмам же вашим ко мне от 11 ноября и 10 декабря присланным, в которых представляли вы его к интересам царского величества верное служение, чтоб он в интересах его величества труды свои наипаче прилагал и о всяких тамошних поведениях писал. И переведено к нему чрез господина Рагузинского на собственную ево резиденского чина дачу 1000 червонных на тамошние расходы и корреспонденцию 1000 ж червонных, да настоящаго погоднаго жалованья 500 червонных, також и бископу Галанию годового жалованья 500 же червонных» (Походная канцелярия... Т. 1. С. 292—293).

²⁹ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 5—5 об.

28 февраля 1714 г. Рагузинский отвечает Шафирову, соглашаясь с его решением: «Лутче ему отказати... что жалованье ему отсечено для ево непостоянства или оплошения в государеве деле, когда была большая нужда» (Походная канцелярия... Т. 2. С. 74).

³⁰ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 5 об.—6. См.: Походная канцелярия... Т. 2. С. 73—74.

³¹ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 7—7 об.

³² Походная канцелярия... Т. 3. С. 169.

Конечно, монсеньор не был бескорыстным патриотом России в отличие от, например, патриарха Досифея и Саввы Рагузинского, которые не брали mzды за свои труды³³. Причем архиепископ получал деньги не только от российского правительства. Так, П. Прето пишет: «Центральной фигурой секретных служб Венеции в Константинополе между 1715 и 1719 г. был монсеньор Раймондо Галлани, епископ Анкирский, апостольский визитатор Эгейских островов и патриарший викарий столицы. Под именем Макария Димистраки, филиппопольского купца, он посылает шифрованные депеши проверенному Симоне Арривабене в Смирну, который переправляет их в Венецию... По окончании войны 9 марта 1720 г. получает компенсацию и похвалы от государственных инквизиторов, которые принимают его предложение о предоставлении информации также и в мирное время»³⁴.

Как видим, кроме уведомления своего непосредственного римского начальства, архиепископ работал на разведки еще как минимум двух держав за хорошее вознаграждение.

В конце концов, он пережил и эту грозу. Тяжба с Георгаки была разрешена, как упомянуто выше, положительно, и Галлани остался на своем посту до 1722 г., причем в 1720 г. его назначили еще апостольским визитатором Эгейских островов, а также венецианских Закинфа и Кефалонии. Сам архиепископ в письме кардиналу Спиноле просит отозвать его из Константинополя из-за преклонного возраста (ему в 1722 г. исполнилось 70 лет)³⁵. В 1722 г. монсеньор Раймондо Галлани благополучно вернулся в родной Дубровник, где возглавил местную епархию.

Есть надежда, что дальнейшие исследования в российских, итальянских и хорватских архивах помогут лучше изучить подробности жизни и деятельности этой яркой личности.

Приложение

10 июля 1719 г. — Письмо С. Рагузинского из Венеции, в котором он отрицает свою вину в том, что в руки шантажиста, грека Георгаки, попала тайная корреспонденция архиепископа Раймондо Галлани из Константинополя в Россию³⁶.

Всемиловейший Государь,

с превеликой печалью получил я известие из Санкт-Петербурха, что писал из Царяграда господин посол Галанский и господин бископ Галани о некотором изменнике и непостоянном греке Георгаки Герাকে, которой был прежде кореспондент, а потом за соспещию отпущен к Москве от господина посла Петра Андреевича, а с Москвы отпущен по указу вашего величества от господ министров тайнаго коллегия в Польшу, а ныне явился при Порте турецкой и получил некоторый кредит, по смерти господина Николая Маврокордата, страша вышеписанного господина бископа Галания, что он его предаст туркам и объявит изменником, и докажет его кореспонденцу с Росийскою империею в преюдицию турецкую, аще он ему не заплатит те убытки, а имянно 30 мешков, что будто бы стало убытка от его походу на Русию, и преюдиции от его кореспонденции, // (л. 1 об.) на что он, Георгаки, будто показывал во свидетельство его, бископа, два писма, которые будто он, бископ, писал ко мне к Москве, когда послы вашего величества были в Едикулах, будто де он, Георгаки, тые писма бископова купил за 200 рублей у некотораго

³³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 135.

³⁴ Preto P. I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano, 2010. P. 256. Кстати, в российских донесениях Галлани нередко именуется Кириллом. См.: Кочубинский А.А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 251–252.

³⁵ См.: Farlati D., Coleti J. Op. cit. P. 270–271; Dračevac A. Op. cit. P. 556.

³⁶ При подготовке текста соблюдались правила публикации исторических документов XVII–XVIII вв. Текст набран с сохранением орфографических особенностей оригинала, но вышедшие из употребления буквы алфавита заменены современными, ъ и ь на концах слов опущены. Пунктуация современная. См.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

моего писаря, когда он был на Русие, и того для ваше величество изволил на мене, раба своего, гневаться, причитая то его, Георгакиево, непостоянство, злодейство и показание писем в мою вину, что я себе признаваю в великое несчастие и дерзнул вашей монаршеской пресветлости донести мое рабское и истинное оправдание, токмо кленуся судом Всевышняго и моею чистою совестью, что я в 18 лет службишки моей, как получил честь добровольно причесть себе добросердечным и верным рабом российского империа, ниже в том деле, ниже в протчем в моей верности и постоянстве, ни словом, ни делом, ни писмом, // (л. 2) ни помышлением не виноват, но, где мог, забыв всякий страх, убытки и протчие рифлессии, служил со всяким усердием и верностию, елика была мочь моя, и впредь до конца жизни моей такое имею намерение, как и надлежит христианину чистосердечному, словянину и доброму человеку.

А маленькая моя служба известна и прежде моего пошества в августейшую империю вашего величества чрез посланника господина Украинцова, да полномочного посла господина князь Галицина, да господина посла Петра Андреевича, как равно службишка моя и ко Толстову может быть известна в приказных записках в вашего величества посольской канцелярии и их словесное свидетельство.

А по моему пришествию в Российское государство известно самому Богу и вашего величества господам министрам, а отчасти и вашему величеству всегдашнее мое неусыпное и доброе усердие и пр. и пр. в услугах вашего величества.

Не упоминаю разорение моего отечества и потеряние кровных [нрзб.], // (л. 2 об.) и моего имения, ибо всяк за свои дела должен отвечать: токмо со слезами вашу монаршескую пресветлость прошу, да не изволит иметь на мене в том никакую соспецию, ибо ей, ей, ни помышлением не виноват, токмо все то происходит от греческаго непостоянства и человеческой ненависти и лакомости. И по человечеству я рассуждаю, на каком основании он, Георгаки, тое свое непостоянство строил, чтоб мене в гнев вашего величества привесть и беднаго бископа Галания до конца разорить, и сколько известен, толико доношу — как пред судом Божиим ответствовать имею.

В мою бытность в Константинополе по повелению господина посла Толстого с немалыми трудами и иждивением служил сколько мог и приискал два приятеля, которые с клятвою обещались ему, господину послу, верно работать и споможение чинить в интересах вашего величества, а имянно господин Александр Маврокордат да господин Лука Барка, // (л. 3) которые имели при дворе турецком превеликий кредит и в делах вашего величества служили со всяким усердием, о чем господину послу Толстому известно, за что и милостивое ваше монаршеское жалование повсегодно получивали. А когда волею Божиею тех двух корреспондентов не стало, то признали за нужду умершаго Маврокордата сына Николая³⁷, да зятя умершаго Луки Барки Навуна³⁸, да племянника его Лукина Луку Кирикова, на концу вышписаннаго Георгакия Геракия, немношко прежде турецкой войны, которого я и не знал, и как и кто с них служил или не служил в бытность господина посла Петра Андреевича, о том сам по христианскою своею совестью может вашему величеству донести, ибо его сиятельству каждого служба лутче мене известно, хотя я ни за единого не порука, токмо с Лукою Кириковым к бископу Галанию имел корреспонденцу по указу вашего величества и по всегодно из сущаго моего убожества их дарил не за иную притчину, токмо за лутчее // (л. 3 об.) обхождение, да б с вящшею охотою в интересах вашего величества доброусердствовали, о которых доброусердие и он, господин посол, многократно писал в канцелярию вашего величества.

³⁷ Николай Маврокордато (греч. Νικόλαος Μαυροκορδάτος, молд. и рум. Николае Маврокордат; 3 мая 1670 — 3 сентября 1730 г.) — политический деятель Оттоманской империи из знатного греческого рода фанариотов, сын великого драгомана Александра Маврокордата, великий драгоман Дивана (1697 г.), позднее в различные годы — господарь Молдавии и князь Валахии, просветитель.

³⁸ Батист Навон — переводчик венецианского посольства. Сотрудничал с российскими дипломатами. Походная канцелярия... Т. 3. С. 333. Благодарю Т.А. Базарову за информацию об этом персонаже.

Потом же пред самую турецкою войною вышеписанный Георгаки Гераки, каким образом стал доброжелательным вашего величества и от кого сыскан, я не ведаю, токмо ведаю, что он в свою бытность в Константинополе служил в интересах вашего величества и знал всех вашего величества корреспондентов и всю их корреспонденцу, наипаче с господином Галанием и с Лукою Кириковым был превеликий приятель, и во многих делах имели цифырную корреспонденцу и всякий союз, не тая ничего един от другого, токмо он, Георгаки, почал показывать некоторые лишние промовки, и того для советом господина бископа и Луки по премудром рассмотрении господина Петра Андреевича, бояся да б он, Георгаки, прочих корреспондентов не погубил, отпустил его, // (л. 4) Георгакия, к Москве, с которым как Лука, так и господин бископ имели цифырные азбуки и корреспонденцу, о котором господин Петр Андреевич на отпуске из Константинополя писал в посольскую канцелярию, да б того, Георгакия, держать на Москве политично, удовольствуя его кормовым жалованьем и протчим до подлиннаго заключения мира с турецкою Портою.

И он Георгаки прибыл и жил на Москве по указу вашего величества и по приказу государственнаго канцлера господина графа Головкина. Давано ему вашего величества жалование по 300 рублей на год, токмо он тем не был доволен и желал свой отпуск в Константинополь, о чем мне повседневно докучивал на конце и бранил, и грозил, причитая, будто его держат на Русие по моему на его доношению, говоря мне, разве я умру, то я де тебе не отмщу, господин де посол Толстой мне обещал токмо побыть на Москве 3 или 4 месяца, а потом // (л. 4 об.) возвратится, а ты де на мене нанес и за то мене не отпускают, а я о всем том непрестанно господам министрам доносил и говорил, сей человек френетик, никакого добра с него не будет³⁹.

Сие следовало в его, Георгакиеву, бытность на Москве. В то же время в Константинополе были полномочные послы, государственный подканцлер барон Петр Павлович, да тайный советник господин Петр Андреевич, которые прежде писали о Луке Кирикове, что он служит изрядно и споможение чинит в интересах вашего величества, как бы сущий природный был русский. И за то ему определено погодное жалование и велено переводить чрез мене по 500 червонных на год. Толикое ж число и господину бископу Галанию, ибо зачали корреспонденцу купно и писали оба одним азбуком, которым списывалися и с ним, Георгакием, да с некоторым венецианином Матвеем Каретою, который был // (л. 5) отпущен агентом в Венецию от вашего величества из Польши по рекомендации вышеписанаго господина посла Толстаго⁴⁰. Сей Матю Карета подлинно обманул вышеписаннаго Георгакия в его бытность в Цареграде, забрав у него алмаз с иными вещами ценою на 8 мешков, которые он, Георгаки, у мене спрашивал, заплати де ты мне за Карету 8 мешков на Москве, а возми у мене его кабалу и dopravь на нем в Венеции, что я не хотел учинить, ибо слышал, что Карета нищий и банкротьер, а я ему, Георгакию, за его, Карету, не порука. И за то горше он, Георгаки, на мене сердитовал и в то время был на Москве.

³⁹ Из письма Рагузинского Шафирову от 28 февраля 1714 г.: «Ваше превосходительство изволите писать, что намерены взять в переводчики брата Ергати, Гератия, дай Боже, чтоб был доброй и службе угодной. А брат ево живет на Москве неконтент, хотя и дается ему по 300 рублей на год, он то уничтожает, вседневно со слезами жelaет отпуску, будто пойдет в Венецию иметь шот в торгах с господином Каретою». См.: Походная канцелярия... Т. 1. С. 76.

⁴⁰ Итальянец Матия (или Матвей) Каретта. Находился на службе русского посла в Турции П.А. Толстого. В 1713 г. он послал на имя царя мемориал, в котором описывает события, непосредственно предшествовавшие аресту русского посла, и даже сообщает, что, получив последние инструкции Толстого, должен был выпрыгнуть в окно, чтобы избежать ареста (РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1713. Оп. 1. Ед. хр. 2. Письма (вместо реляций) с приложениями к канцлеру графу Головкину от агента М. Каретты. Л. 43–45 об.). Весной 1711 г. был назначен в качестве дипломатического агента в Венецианскую республику и другие итальянские государства «для лучшего укрепления дружбы и деловых отношений». В условиях постоянных конфликтов с Портой Каретта совместно с консулом Д. Боцисом предпринимал попытки договориться с венецианскими властями о заключении дипломатических отношений с Россией и развить торговые связи между двумя государствами. В 1716 г. заменен П.И. Беклемишевым.

Турки же непостоянные в Константинополе мир с вашим величеством и паки нарушили, после же вашего величества послов вышеписанных господ Шафинова и Толстаго в Едикулях заключили, и в то время вышеписанный Лука Кириков или от страха, или от своего // (л. 5 об.) непостоянства, или по повелению своего господина, посла англнского, вместо службы всякую неправду и неусердие в делах вашего величества показывал, наипаче в задержании писем, которые послы вашего величества из Едикуле писывали и отпускали чрез его, Луку. Так же и бископ Галани ко мне чрез его писывал, он, Лука, задерживал у себе и некоторые отпускал спустя 6 месяцев, некоторые ж и вовсе задерживал, о чем подлинно известно вышеписаным господам послам вашего величества. И когда господа послы видели его, Лукину, непостоянство, то в канцелярию вашего величества объявили и ко мне изволили писать да б я с ним, Лукою, корреспонденцу пересек, ибо он де явился государским делам противен, и на последний год его жалование червонцев 500 к нему, Луке, б не переводил, ибо он не заслужил, токмо б перевел жалование уложенное господину бископу Галанию, что я и учинил, и 500 червонцев, означенных на жалование Луки непостоянного не перевел, но в посольскую канцелярию // (л. 6) возвратил, а господину бископу Галанию перевел, ибо он заслужил. Потом же уже 6 лет, что я ни к единому, ни к другому и не к кому в Цареграде не писывал, и что кто делает, не ведаю, токмо подлинно ведаю, что господин Галани на мене немношко сердит, за что я с ним корреспонденцу пересек, чая, что я его с вышеписанным Лукою ссорил, и на его будто я вышеписанному Луке писал, на что поставляю самага Бога свидетелем, что я на его, ни на кого Луке, ни некому не писывал, токмо Лука по человечеству сердит на его, ибо слышал чрез друзей, что он, Галани, и по ныне берет государевое жалование, а он Лука не берет. И сердит он, Лука, как на господина Галания, так и на мене.

Писал ко мне многократно, ежели я червонцев 500 на последний год его жалования к нему не переведу, то он всякими мерами будет мне отмстить, которому я и не отвечивал, токмо велел объявить чрез друзей, что при мне его ни копейки нет, и за то ему государево жалование // (л. 6 об.) не переводится, что он показал себе в делах государевых противны[м] и господ послов писма задерживал и протчее, которым может писать о своем жалование, аще заслужил, а ко мне б он ничего не писал, ибо Царьградскую корреспонденцу весьма пересек. И для той причины с одной страны сердит на мене вышеписанный Георгаки, а с другой он, Лука, хотя я живым Богом кленуся, что ни пред одним, ни пред другим не виноват и не пред кем, моею совестью и моим делом, ни словом.

А когда господа министры по заключению турецкаго мира отпускали его, Георгакия, в Польшу, был ли я ему друг и чинил ли споможение в его отпуске и доносил ли им, господам министрам, того Георгакия злосердие и недовольство, в том шлюся на суд Божий и свидетелство их, господ министров, ибо я знал, что он френетик и не постояник.

Ныне же как он, диавол, явился при Порте турецкой // (л. 7) и каким образом вину свою загладил, что он был на Русие, не ведаю, и как в турецкий кредит себе произвел, не знаю, и какие писма показывал за рукою будто господина бископа Галания, которые ко мне писывал, когда господа послы были в заключение в Едикуле, будто оные купил за 200 рублей у моего писаря из моего кантора, и о том я не о чем не ведаю и кленуся моею совестью христианскою и судом страшным:

А что я с ним, Георгакием, и не с кем никакого совета против господина бископа Галания, ниже против интересов вашего величества никогда не имел.

В что я ему, Георгакию, никаких писем не давал и не показывал.

Г же, ежели и мой писарь, кроме чаяния из моего кантора те писма господина бископа у мене украл и ему, Георгакию, продал, я о том не ведаю, ибо вси человецы есмы и по человечеству всякого свой секретарь, когда хошет, секрет продать может, о чем от вышних до нижних // (л. 7 об.) чинов такие притчины, не токмо на Русие, и в протчих государствах и прежде были и впредь будут, что некоторые непостоянные секретари не токмо господ послов и генералов, но и королевские дела продавали. Но когда их принципалы не ведали, то оным пред Богом, ниже пред их потентатами невинным в вину не

причиталось, но всяк за сущие свои дела должен ответственовать как на и суде страшном, не друг за друга, но всяк за себе будет ответственовать.

А сколько греческаго и мултянскаго сплетения, непостоянства и злодейства не токмо ко мне, последному, но и к высоким интересам, касавшимся вашего величества, и сущему вашему величеству монаршескому здравью и погиби российскаго воинства было, о том вашему величеству самому известно, токмо всесправедный судия всякому по своим делам награждение чинит.

А я по человечеству разсуждаю, что тот проклятый Георгаки, согласившись ныне в Константинополе с вышеписанным Лукою Кириковым, хотят // (л. 8) диавольским их сплетением погубить вышеписаннаго бископа при Порте турецкой, а мене привести в гнев вашего величества, оставляя первый фундамент своего зломышления, когда вышеписанный Лука в бытность господ послов в Едикулях задерживал писма оных, писанные в канцелярию вашего величества, то всеконечно задержал и мои, которые ко мне в то время писал чрез его вышеобъявленный господин бископ Галани. И по возвращению непостояннаго Георгакия в Константинополь ныне он, Лука, с ним, Георгакием, помирился и диавольский союз учинили губить господина бископа явно, а мене будто тайно, показуя писма бископова, измышляя, будто он, Георгаки, оные купил за 200 рублей у моего писаря, да б тем привести мене в вашего величества немилость и соспещию, а бископа разорить или 30 мешков денег получить, а потом оные между собою поделить, забыв страх Божий, постоянство и христианство, что остав[или] премудрых // (л. 8 об.) разсуждение, ежели б он, Георгаки, таковые писма от Луки не получил и с Лукою согласия не имел, то б он больше Луку грозил и от Луки чрез турецкое наношение мог бы больше число денег получить, ибо он, Лука, 20 раз от господина бископа богатей, а у его, Георгакия, не токмо 20 писем его, Лукиных, обретаются, но и цифырный ключ их корреспонденций, и не токмо с Лукою, но и с господином бископом имели цифыр между собою, когда были в Константинополе в согласие прежде походу Георгакиева к Москве. К тому же зело известны ему, Георгакию, вси поступки и служба как его, Лукина, так и господина бископа прежде его пошества из Константинополя, ибо он, Георгаки, в то время, существом или обманом, о том не ведаю, однако ж показывал в интересах вашего величества некоторую службу и господина бископа от некотораго наношения престога, другаго ж корреспондента, Карету, в доме своем до [нрзб.] в престоге держал, котораго // (л. 9) турки в то время спрашивали в початие первой войны, о чем господину послу Толстому известно.

А корреспонденцу господина бископа не токмо с канцеляриею вашего величества, но и с королевскою с Августом Польским во истинну, я чаю, больше 20 человекам в Константинополе сведало, и друзья его давно к нему писали, да б он из Константинополя поехал прежде беды и своего разорения, а зачем он живет в Константинополе, о том я не ведаю. И корреспонденту ей, ей, в Константинополе ни с кем не имею тому уже 6 годов, токмо ведаю, когда берут вашего величества милость и жалование, то от их разума и трудов происходит, а когда какие трудности или страх, то бедный Савва виноват.

Во истинну, всемилостивый государь, сие пишу жестокими слезами, ибо ей, ей, ни помышлением не виноват, не доноса ни какого, токмо престога сам себе от вашего величества гнева, и прошу Христовой любви ради не извольте на мене имети // (л. 9 об.) ни какое подозрение, но содержать мене, раба вашего, при прежней своей монаршеской милости, ежели ж я в этом деле или в протчих в интересе вашего величества виноват, предаю душу мою вечному аду, тело ж мое вашего величества мечу и вечной казни.

На конца прошу покорне разсудить по человечеству, что я не грек, но словянин, которой не невольно и не из последнаго убожества, но сущемою моею волею и добрым сердцем вашему величеству, где мог, верно работал, и я, и вся моя нация и в пред или б работать может, которая причитает себе за щастие, что пребывает православной вашей веры и славенскаго языка, и вси готовы за славу и честь вашего величества и последнюю каплю крови пролить как показали в деле, а не на бумагах, как показывают греки и другие. А из нашей сербской нации, чаю, первый из честных людей я, последний раб вашего величества, прибыл под вашего величества опеку и высокую протекцию, из чего и ныне ниже я, ни фамилия моя не имею иного

пристанища, ни надежды // (л. 10) кроме вашего величества высокой протекции и христианского великодушия.

И повторно прошу да изволит ваше величество учинить милостивую рефлессию, то ли я забыл страх Божий и вашего величества неизреченную ко мне милость и честь мой и всей моей нации, продал интерес вашего величества за 200 рублей, как Георгаки несправедливо наносит, и по 6 лет моего отлучения будто я гублю вашего величества доброжелательных, что я все предаю суду Божию, а ежели не умру, предбудущаго году, по отправлении домашних нужд разоренной моей фамилии, надеюся или б со всею лицевиднo вашему величеству кланяться и персонально за все мои дела не токмо моим маленьким именем, но и главою ответовать.

Вашего величества
всепокорнейший раб
Савва Владиславич
Ven. 10 Lug.
1719

РГАДА. Фонд 41. Сношения с Венецией. 1719. Ед. хр. 4. Реляции графа Савы Рагузинского. Л. 1-10. Подлинник.

Библиография

Базарова Т.А. «Для лутчаго и состоятельнейшаго онога мира охранения...»: пребывание русско-го посла П. А. Толстого при османском дворе // Петровское время в лицах. 2019. Труды Государственного Эрмитажа: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2019 года. СПб., 2019. С. 53–61.

Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб., 2009.

Кочубинский А.А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899.

Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 250–279.

Лециловская И.И. Серб – сподвижник Петра I: Граф Рагузинский // Славянский альманах. 2003. С. 70–93.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого. Т. 1–3 / сост. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Т. 1. СПб., 2011.

Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989.

Ястребов А.О. Петр Толстой и Папа Климент XI. Первый русский посол в Константинополе и его связи с Католической Церковью // Церковь и время. 2018. № 4 (81). С. 129–149.

Cerva S. M. Iconotheca illustrium fratrum Congregationis Ragusinae Sancti Dominici. Knjižnica samostana Sv. Dominika u Dubrovniku. № 34-IX-10. S. 304. Рукопись.

Dračevac A. Gallani Rajmund // Hrvatski Biografski Leksikon. Т. 4. Zagreb, 1998. S. 555–556.

Farlati D., Coleti J. Illyricum Sacrum. Vol. 6. Venetiis, 1800.

Hierarchia catholica medii aevi et recentioris aevi / ed. K. Eubel. Vol. 5. Monasterii Sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1913.

Lupis V. Sloboda utemeljenja crkvenih župa Dubrovačke nadbiskupije te Stonske i Trebinjsko-mrkanske biskupije u 18. stoljeću // Crkva u svijetu. 2015. № 50. S. 82–99.

Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. Paris, 1907.

Preto P. I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano, 2010.

Seferović R. Crkva iza Dvora. Kroz povijest Dubrovačke crkve 18 stoljeća uz pratnju Serafina Marije Cerve // *Cerva S.M.* Prolegomena za Svetu dubrovačku metropoliju [Prolegomena for the Holy Metropolis of Dubrovnik]. Zagreb; Dubrovnik, 2012. S. 9–253.

Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.

References

- Bazarova T.A.* “Dlya lutchago i sostoyatel’neishago onogo mira okhraneniya...”: prebyvanie russkogo posla P.A. Tolstogo pri osmanskom dvore [“For the best and wealthiest of this world of protection...”: the stay of the Russian ambassador P.A. Tolstoy at the Ottoman court] // *Petrovskoe vremya v litsakh*. 2019. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: materialy nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 19–20 noyabrya 2019 goda [Peter’s Time in the faces. 2019. Proceedings of the State Hermitage Museum: materials of the scientific conference, St. Petersburg, November 19–20, 2019]. Sankt-Peterburg, 2019. S. 53–61. (In Russ.)
- Duchich I.* Graf Savva Vladislavich. Serb-diplomat pri dvore Petra Velikogo i Ekateriny I. [Count Savva Vladislavich. Serbian diplomat at the court of Peter the Great and Catherine I]. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)
- Freidenberg M.M.* Dubrovnik i Osmanskaya imperiya [Dubrovnik and the Ottoman Empire]. Moskva, 1989. (In Russ.)
- Kochubinskii A.A.* Graf Andrei Ivanovich Osterman i razdel Turtsii. Iz istorii vostochnogo voprosa. Voina pyati let (1735–1739) [Count Andrei Ivanovich Osterman and the division of Turkey. From the history of the Eastern question. Five Years’ War (1735–1739)]. Odessa, 1899. (In Russ.)
- Krylova T.K.* Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoi voiny [Russian-Turkish relations during the Northern War] // *Istoricheskie zapiski* [Historical Transactions]. T. 10. Moskva, 1941. S. 250–279. (In Russ.)
- Leshchilovskaya I.I.* Serb – spodvizhnik Petra I. Graf Raguzinskii [Serb – an associate of Peter I: Count Raguzinsky] // *Slavyanskii al’manakh* [Slavic Almanach]. 2003. S. 70–93. (In Russ.)
- Pavlenko N.I.* Ptentsy gnezda Petrova [Chicks of Peter’s nest]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Pokhodnaya kantselyariya vitse-kantslera Petra Pavlovicha Shafirova: novye istochniki po istorii Rossii epokhi Petra Velikogo [Camping office of Vice-Chancellor Pyotr Pavlovich Shafirov: new sources on the history of Russia in the era of Peter the Great] / sost. T.A. Bazarova, Yu.B. Fomina. T. 1–3. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR [Rules for publishing historical documents in the USSR]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Yastrebov A.O.* Petr Tolstoy i Papa Kliment XI. Pervyi russkii posol v Konstantinopole i ego svyazi s Katolicheskoj Tserkov’yu [Peter Tolstoy and Pope Clement XI. The first Russian ambassador in Constantinople and his connections with the Catholic Church] // *Tserkov’ i vremya* [Church and Time]. 2018. № 4 (81). S. 139–140. (In Russ.)
- Cerva S. M.* Iconotheca illustrium fratrum Congregationis Ragusinae Sancti Dominici. Knjižnica samostana Sv. Dominika u Dubrovniku. № 34-IX-10.
- Dračevac A.* Gallani Rajmund // *Hrvatski Biografski Leksikon*. T. 4. Zagreb, 1998. S. 555–556.
- Farlati D., Coleti J.* Illyricum Sacrum. Vol. 6. Venetiis, 1800.
- Hierarchia catholica medii aevi et recentioris aevi / ed. K. Eubel. Vol. 5. Monasterii Sumptibus et typis libreriae Regensbergianae, 1913.
- Lupis V.* Sloboda utemeljenja crkvenih župa Dubrovačke nadbiskupije te Stonske i Trebinjsko-mrkanske biskupije u 18. Stoljeću // *Crkva u svijetu*. 2015. № 50. S. 82–99.
- Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. Paris, 1907.
- Preto P.* I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano, 2010.
- Seferović R.* Crkva iza Dvora. Kroz povijest Dubrovačke crkve 18 stoljeća uz pratnju Serafina Marije Cerve // *Cerva S.M.* Prolegomena za Svetu dubrovačku metropoliju [Prolegomena for the Holy Metropolis of Dubrovnik]. Zagreb; Dubrovnik, 2012. S. 9–253.
- Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d’Alexis Michaélowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.